

Как и песня о Роланде, «Слово о полку Игореве» есть песня о поражении: сходство и в том, что поражение вызвано «буестью», самоуверенностью героя («desmesure» Роланда). Но в отличие от Роланда, Игорь не наказан до конца: он счастливо возвращается к жене, что несколько напоминает Одиссею. Автор считает, что «Слово» — «единственная эпопея, в которой герой восхваляется за то, что он действовал более как лисица, чем как лев». На это можно возразить, что поэт вдохновился фактом, а затем сохранилась прекрасная немецкая поэма (по-латыни) о счастливом бегстве Вальтара из плена, на некоторое тематическое сходство которой со «Словом» указал еще в 1926 г. Дмитро Загул.³

Разбирая структуру «Слова», автор указывает на его «божественную пропорцию», на его гармоническое деление на три части: 1) вступление, поход и поражение (эпическая часть); 2) сон Святослава и призывы к князьям (драматическая оратория); 3) плач Ярославны и возвращение Игоря (по преимуществу лирическая часть). Он высоко ставит среднюю часть, где поэт пользуется всеми средствами риторики, переходя от отчаяния к негодованию, от иронии и сарказма к панегирикам и давая ряд живых портретов. Все это становится его «золотым словом». Поэт — «златоуст политического красноречия: он говорит как жрец родины и как судия истории».

Плач Ярославны, по мнению Поджиоли, — поэтическая вершина «Слова». Как бы вследствие ее заклинаний наступает стремительное бегство Игоря, в котором ему помогают все силы природы. Отмечена легкая ирония в разговоре ханов. Наконец, мрачный колорит, навеянный злоеющим затмением на обе первые части, рассеивается. Солнце ярко светит, и поэма заканчивается торжественным пэаном.

Интересен анализ стиля, в котором комментатор подробно останавливается на его сложности: это и эпическая «повесть», и ораторское «слово», и проникнутая лиризмом «песня». Но они не резко разграничены: разные поэтические приемы проходят через все три части. Каждый голос имеет свое место в структуре контрапункта, и все они связаны. Так, «золотое слово» Святослава есть мужской вариант плача Ярославны, а оба они — отзвуки плача самого автора. Похождения Всеслава и бегство Игоря имеют ту же окраску чудесного — известный параллелизм. Лирический элемент разлит по всей поэме: то как личное соло поэта, то в форме хоровой лирики, иногда в форме оды или гимна, или элегии в плачах, наконец, идиллии в диалоге с Донцом, который автор определяет в другом месте как «амебейное пение».

Хорошо отмечена обостренность слуховых и зрительных впечатлений поэта: он слышит шум и звон битвы, ему слышится голос Ярославны, он как бы видит и затмение и надвигающуюся с моря грозу.

Особенно удачен подробный разбор «хроматических эффектов»; такого богатства, по мнению автора, нельзя найти ни в одной иной европейской поэме. Он говорит: скандинавские поэмы окрашены темным цветом; в песне о Сиде Менендеу отметил серость ее колорита; песня о Роланде не знает другого цвета, кроме темного железа. «Слово» полно ярких красок, удивляющих богатством полихромии. Преобладает золотой цвет; в золоте кованы многие предметы: золотые престолы (7 раз) и златоверхие терема, злаченые шлемы (3 раза) и стрелы, стремена (3 раза) и седла князей, монеты, которыми бряцают готские девы; оно появляется и целой массой, погруженной на дне реки, как золото Нибелунгов.

³ Д. Загул. Деякі риси старонімецької пісні про Вальтарія з IX ст. аналогічні до окремих місць „Слова о полку Игоревь“. Записки Іст.-філ. відділу УАН, VII—VIII. Київ, 1926, стр. 47—53.